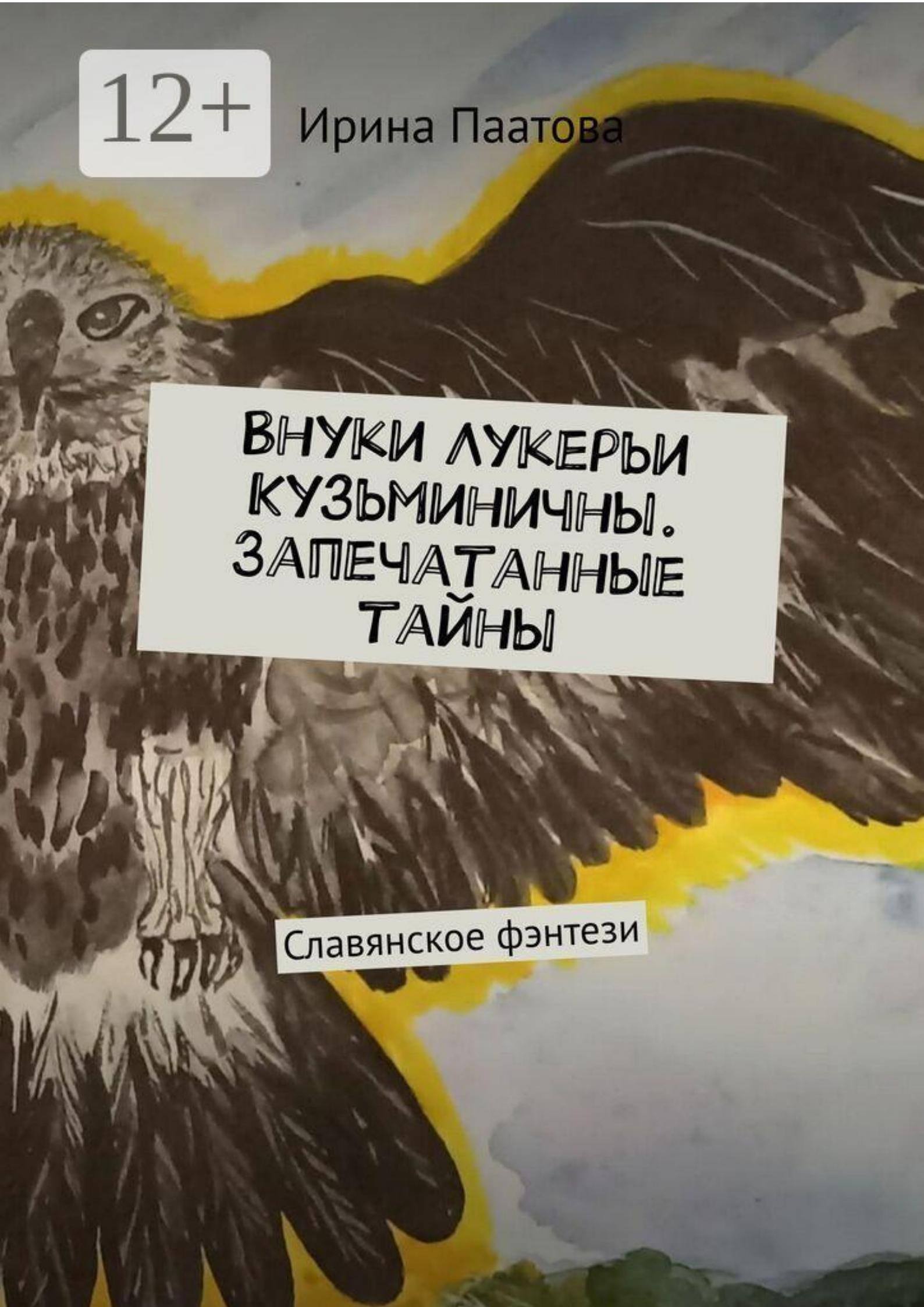

12+
Ирина Паатова
ВНУКИ ЛУКЕРЬИ КУЗЬМИНИЧНЫ. ЗАПЕЧАТАННЫЕ ТАЙНЫ
Славянское фэнтези

Ирина Паатова

Внуки Лукерьи Кузьминичны. Запечатанные тайны. Славянское фэнтези

«Издательские решения»

Паатова И.

Внуки Лукерьи Кузьминичны. Запечатанные тайны. Славянское фэнтези / И. Паатова — «Издательские решения»,

Увлекательное фэнтези-приключение, которое познакомит с живым миром славянской мифологии, научит ценить семью и разгадывать секреты прошлого.С виду обычная городская семья Дементьевых приезжает в деревню к бабушке Лукерье. Но её наказы о домашних духах кажутся всем просто смешными суевериями. И зря.Смогут ли брат и сестра, совсем недавно ссорившиеся из-за пустяков, продержаться три дня и три ночи, спасти родителей и раскрыть главную семейную тайну, которую много лет хранила бабушка Лукерья?

© Паатова И.
© Издательские решения

Содержание

ВНУКИ ЛУКЕРЬИ КУЗЬМИНИЧНЫ 6
(славянское фэнтези) 6
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 19
ГЛАВА 4 21
ГЛАВА 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Внуки Лукерьи Кузьминичны. Запечатанные тайны Славянское фэнтези

Ирина Паатова

© Ирина Паатова, 2026

ISBN 978-5-0071-7179-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВНУКИ ЛУКЕРЬИ КУЗЬМИНИЧНЫ
ЗАПЕЧАТАННЫЕ ТАЙНЫ

(славянское фэнтези)

ГЛАВА 1

Послушному сыну родительский наказ не тягостен.
Русская народная пословица

Бабушка — самый главный человек в семье. Бабушку должны слушаться все: и внуки, и мама с папой, и даже пёс с кошкой. Если ослушаться бабушку, то беда будет. Не верите, тогда это история для вас.

В одном городе жила семья: папа с мамой, сын с дочкой и пёс с кошкой. Все они были Дементьевы по бабушке Лукерье Кузьминичне. Сама она жила в глухой деревне с неблагозвучным названием Каменка, неумолимо умирающей в мире, куда в силу различных обстоятельств не доходили блага цивилизации. Старожилы почти все ушли в мир иной[1], молодые подались в большие и малые города в поисках лучшей жизни.

Приезжали Дементьевы к бабушке редко и ненадолго, лишь на недельку.

Папа, внук бабушки Лукерьи, был очень важным сотрудником в фирме по кибербезопасности. Мама — арт-дизайнер в рекламной фирме. Варя, старшая правнучка бабушки Лукерьи, четырнадцатилетняя девочка — легкоатлетка. Глеб — слабенький физически, неуверенный в себе, но развитый интеллектуально мальчик десяти лет. Кроме детей, в доме живут пёс Филя и кошка Люся. Люська — совсем ещё молодая кошка; она в семье всего год и ещё ни разу, в отличие от пуделя Фильки, не была в деревне. Да… Давненько Дементьевы не навещали бабушку Лукерью.

Нужно сказать, что бабушка сама наотрез отказывалась от благ современной цивилизации. Не то что телефона или компьютера, у неё даже телевизора никогда не было. Коля, будучи ребёнком, бегал смотреть мультики к тёте Сене. Потом ходил к одному из своих одноклассников, которому родители купили компьютер. Да так ему понравилась эта техника, что он мечтал вырваться из деревни и заниматься высокими технологиями, благо бабушка не отказывала ему в покупке научных журналов. Он их целую кучу выписывал через почту.

Лукерья жила на краю деревни, у самого леса. Из соседей там никого не осталось. Разве что сильно постаревшая тётя Сеня (до её двора минут пятнадцать ходьбы от дома бабушки Лукерьи) и дед Василий (его дом ещё в метрах ста от тёти Сени). Все остальные жители Каменки, тоже всё люди немолодые, проживали по другую сторону речки Вихлянки, которая будто разрезала деревню на две равные части. О какой сотовой связи могла идти речь в таком глухом месте?!

Стирала Лукерья по старинке в большом корыте и строго-настрого запретила тащить в её дом железных чудищ, как она называла любую бытовую технику. Медицину она только народную признавала, лечилась травами да корешками; в них Кузьминична хорошо разбиралась.

Такая была бабушка Лукерья.

И вот написала она как-то письмо своим детям, как она называла всех в семье внука Николая. Написала и передала это письмо через какого-то мужичка — не по почте отправила. Со слов этого человека, бабушка Лукерья очень торопилась, поэтому и не стала отправлять письмо почтой, а передала через нарочного[2].

Здравствуйте, дорогие мои дети!

Давно не были вы у своей бабушки Лукерьи. Сидите в своём многолюдном городе, света белого не видите, воздуха свежего не чуете. Да устала я с вами спорить. И не стала бы я вас

---

[1] УЙТИ В МИР ИНОЙ (книжное) фразеологизм, то же, что и умереть. (Викисловарь)

[2] НА́РОЧНЫЙ — лицо, посланное с поручением, курьер. (Примеч. автора)

беспокоить, покуда[3] *вы сами ко мне явились бы в срок. Да только так вышло, что уехать мне нужно, а хозяйство своё мне не на кого оставить, кроме вас. Никогда я вас ни о чём не просила, ничем не озадачивала, но теперь, видно, время пришло. Уезжаю я на две недели, может, на три. Куда — сказать не могу. Только наказываю я вам через три дня быть в деревне и блюсти моё хозяйство.*

Первым делом, как приедете, положите под порог бани кусочек ржаного хлеба. Через три дня снова положите свежий кусочек да солью присыпьте хорошенько. Да в сарае кусочек небольшой оставьте, так уж и быть.

Коля, внучок, обещал ты мне забор поправить. Вот и займись, покуда меня не будет. А то обленился совсем мой дворовой помощник.

Дети пусть ягоды соберут: смородина уже поспела, осыпается. Не успела я до отъезда управиться. Да Аня пусть варенье сварит. Сахар в кладовой, в мешке. Яблоки собирайте, как упадут, чтобы не гнили на земле. Порядок везде должен быть.

Баньку, Коля, топи каждый день. Я чистоту люблю. Потрудиться да помыться — хорошее дело. Воду в кадке[4] *оставить не забудь, как попаритесь. Не забудь!*

Как спать в первую ночь собираться будете, оставьте на столе миску молока. Молоко возьмите у тёти Сени, а не в магазине. И кусочек сахара положить не забудьте. Да спать идите спокойно. Не забудьте. Наказываю вам. А на второй день медку в блюдечке оставьте на столе. Мёд в кладовой на полке.

Пусть ребята на чердаке не шалят. Лучше накажи им поленницу сложить. Дрова дед Василий привёз, а я прибрать не успела.

Животных своих, поди[5]*, с собой привезёте? Не бросать же в городе. Так следите, чтобы хозяйство моё не пугали. А то и в ответ получить могут. Место им найдите: Фильке — на коврике у печки, а Люська ваша, ладно уж, пусть на печке спит.*

Вот и всё. Живите дружно. Не шумите. Соблюдайте наказ мой. До возвращения моего быть в деревне. До свидания, дети мои.

Ваша бабушка Лукерья.

— Две недели?! — воскликнули дети, после того, как мама дочитала письмо бабушки.

— Может, и три… — подняв глаза от письма, произнесла Анна.

— И куда это наша бабушка собралась? Сроду никуда из деревни не уезжала, — рассеянно пробормотал Николай.

— Мам! Мы что правда на две недели в Каменку поедем? — испуганно спросила Варя.

— Я не знаю. Я не могу. Две недели. Это же нужно с шефом договориться. Да и у тебя отпуск только через неделю. Быть через три дня. Это невозможно! — бормотала Аня.

— Какое у бабушки хозяйство? У неё даже кошки нет, — напомнил Глеб.

— Действительно. Про какое хозяйство она говорит? Может, завела кого? Не понимаю ничего, — взяв письмо у жены и пробегая его глазами, уже с раздражением сказал Николай.

— Варенье. Поленница. Забор. Яблоки. Это разве хозяйство?! Из-за этого выдёргивать всю семью из города! — сокрушалась Анна.

— Да. Но… Она никогда нас ни о чём не просила, Ань. Может, правда, что-то случилось важное, что она уехала? — предположил Николай.

— Я не спорю. Конечно, у неё могут возникнуть какие-то дела, и она может уехать, куда пожелает. Но хозяйство? Какое у нашей бабушки хозяйство? Мы-то почему должны ехать в эту глушь на полмесяца?!

---

[3] ПОКУДА (просторечное), то же, что и ПОКА (примеч. автора)

[4] КАДКА, кадки, жен. Деревянная цилиндрическая посудина, прямая бочка, сделанная из досок, стянутых обручами. (Толковый словарь Д. Н. Ушакова)

[5] ПОДИ (просторечное), то же, что и НАВЕРНОЕ (примеч. автора).

— Согласен. Но что же делать? Ей даже не позвонить. Не договориться ни о чём. Не предупредить, что мы не можем приехать.

— Я в этом не виновата! — резко ответила Анна.

Повисло тяжёлое молчание. Всем было неловко за резкость мамы. Анна и сама пожалела, что погорячилась. Все привыкли к тому, что у бабушки нет даже стационарного телефона. С одной стороны, это даже всех устраивало. Писать письма приходилось нечасто с учётом того, что их писали по очереди в семье. Зато отсутствие телефона у бабушки Лукерьи избавляло от необходимости частых звонков. Да и бабушка без причины не отвлекала никого от дел. Но сейчас все очень хотели поговорить с бабушкой.

— Итак. Что будем делать? Нужно принимать решение.

— Я не знаю, что делать. Так нельзя! Согласись, что это… это… — Анна чуть не плакала.

Дети испуганно смотрели на родителей в ожидании решения, которое бы всех спасло от незапланированной поездки.

— Нет, Коля. Я не против поехать в Каменку, — немного успокоившись, начала Анна. — Давай поедем, выясним, насколько всё серьёзно, и вернёмся.

— Да. Поехать-то, конечно, можно. Но вопрос, как нам попасть в деревню через три дня? Раньше следующей недели я не вырвусь с работы. У нас конференция. Я не хочу, чтобы вместо меня выступал этот выскочка Павлик.

— Думаю, ничего не случится со смородиной, если мы приедем на два дня позже, — уже совсем успокоившись, ласково сказала Анна.

— А мы? Наши планы никого не волнуют? — рассержено крикнула Варя.

— Варя! Успокойся. Мы поедем ненадолго. Обещаю.

— Что там делать, в этой глуши? Там даже бабушки сейчас нет, — с грустью сказал Глеб.

Все переглянулись. Действительно, что же они будут делать вдали от привычных занятий, без гаджетов, без телевизора, без интернета, и, главное, без бабушки?

ГЛАВА 2

От совета старых людей голова не болит.
Русская народная пословица

Через пять дней после получения письма, это на два дня позже того срока, который наказывала бабушка Лукерья, семья Дементьевых в полном составе отправилась в деревню. Они ехали туда, надеясь, что через неделю, максимум дней через десять, вернутся к своим повседневным делам, привычным заботам и развлечениям.

Стоял довольно жаркий июль. Дементьевы мчались на машине навстречу скучнейшей в своей жизни неделе, которую они уговорили себя провести в далёкой бабушкиной деревне.

— Как же я устала в дороге! Неужели приехали? — потягиваясь, выходила из машины Варя.

— Да уж, не ближний свет, — отозвалась Анна. — Но ничего, сейчас ножки разомнёте.

— Как-то грустно, что бабушка нас не встречает, — негромко сказал Глеб, глядя на закрытую калитку на повалившемся в нескольких местах заборе.

Все переглянулись и на минуту перестали доставать из машины вещи. Филька, пожилой глуповатый пудель, всю дорогу проспавший в ногах у Глебки, выпрыгнул из машины и громко залаял. Люська, которая ещё ждала, когда её выпустят из кошачьей переноски, недовольно посмотрела на него и дёрнула ушами.

— Да. Непривычно как-то, — подтвердил отец.

— А хлеб чёрный взяли? — спросил Глеб, обернувшись на шум крыльев вылетевшего откуда-то голубя.

— Зачем тебе чёрный хлеб? — не поняла Анна. — Проголодался? Сейчас сосиски отварю, дай в дом зайти.

— Я сыт. Но бабушка же писала, что нужно ржаной хлеб под крыльцо бани положить, как приедем.

— Глупости какие! — отмахнулась уставшая с дороги мать. — Вон булка осталась, сунь под крыльцо, если хочешь.

— Так она же белая, мам!

— Ну, где я тебе чёрного хлеба достану сейчас? — с раздражением отозвалась мать.

— Бабушка же говорила, — робко настаивал Глеб.

— Так сходите с Варей в магазин, купите хлеба. Помните дорогу?

— Я не пойду никуда! — отрезала недовольно Варя.

— Я тогда сам схожу? — неуверенно спросил мальчик.

— Одного я тебя не пущу.

— Пап, может, сходим? — ещё раз попытался настоять на бабушкином наказе Глеб.

— Сынок, давай потом. Мне баню затопить нужно, искупаемся с дороги. Позже сходим. Давай сумки доставать из багажника. Варя, и ты без дела не сиди. Все устали, но обустроиться нужно.

Тут прямо над Глебкиной головой пролетел чёрный голубь и скрылся в саду. Глеб вздрогнул. Он был пугливым мальчиком и очень этого стеснялся. В голове у него прозвучало: «Слабак!». Он, опустив голову, пошёл за отцом в дом.

Впервые в жизни Николай заходил в дом, когда в нём не было бабушки. Он показался таким незнакомым, словно детство его прошло не здесь. Всё было, вроде, на своих местах: та же скамейка вдоль стены, та же печь, заботливо побелённая бабушкой, тот же ухват[6] на том

[6] УХВАТ — приспособление для подхватывания в печи горшков, чугунов- железное полукольцо в виде двух рогов на

самом месте. Даже запах, вроде бы, тот же. Хотя нет. Запах. Чего-то не хватает. Конечно! Не пахнет свежеиспечённым хлебом. У бабушки Лукерьи всегда была буханка свежевыпеченного ржаного хлеба. Пшеничный хлеб она пекла лишь по праздникам. Сегодня был бы как раз такой день, когда бабушка специально к приезду детей испекла бы свой знаменитый пшеничный калач. Но бабушки Лукерьи дома не было.

Глеб, шедший да отцом, заглядывал в сени[7] из-под руки Николая. Отец ступил через порог. Вдруг изба словно качнулась — Николай даже за дверной косяк взялся.

— Вот это я укатался сегодня — ноги не держат, — усмехнулся он.

Глеб шагнул следом.

— Ой! — воскликнул он.

— Что такое? — обернулся отец.

— Ничего, пап. Чуть не упал: за порог зацепился.

— Тоже ноги ватные после долгого пути?

— Есть немного. А ещё темно тут.

— Это в сенях темно, в комнате светлее. Заходи.

Анна в это время достала последние сумки из багажника, свалив их в кучу у бани, решила обойти двор. Первым делом она пошла к кустам смородины.

— Ой-ой-ой! Половина осыпалась! Вот беда! — всплеснула она руками[8]. — Ладно. Много ещё на ветках. Работы и с этой хватит.

В саду под мельбой[9] уже ковром лежали подгнившие яблоки. Рой пчёл с жужжанием вился над ними. Вокруг стоял сладкий аромат. Взяв несколько яблок, Анна пошла в дом.

— Ну что вы тут? Долго прохлаждаться собираетесь? Вещи сами себя не занесут, — говорила она, переступая порог бабушкиного дома.

— Ай!

— Что? — спросила идущая следом за матерью Варя.

— Да не рассчитала: ступила через порожек, а пол в сенях ниже, чем на крыльце, вот чуть не бухнулась. Аккуратно заходи, смотри под ноги.

— Хорошо, мам. Ай!

— Я же говорила: смотри под ноги!

— Смотрела я под ноги! Я головой ударилась! Что тут такой проём низкий?

— Это не проём низкий, а ты выросла, — улыбнулась мать.

Все зашли в дом. Он был негостеприимно уныл. Николай открыл окно на кухне, чтобы пустить свежего воздуха. Глеб уселся на лавку возле печки. Варя стояла, не зная, чем заняться. Анна, подбоченившись, смотрела по сторонам с печальным видом.

Дом бабушки Лукерьи был очень старый, его ещё прапрадед Николая строил. Строил, как в старину. Крыльцо было без лестниц — всего три ступеньки, старенькие, но добротные и ухоженные. Бабушка Лукерья говаривала, что дому забота нужна; будешь беречь дом свой — и он тебя сбережёт. За крылечком — сени. Порог, как в старинных русских избах, высокий — дверной проём низкий, чтобы зимой тепло не уходило. Из сеней прямо двери в кухню, где печка стоит, влево — в кладовую. Из кухни вход в чистую комнату[10]. Здесь у бабушки Лукерьи было что-то вроде гостиной. Раньше это была комната Николая. Вот тот тяжёлый дубовый письменный стол, за которым маленький Коля занимался. Сама Лукерья не была образованная,

---

длинной рукояти. (Словарь С. И. Ожегова)

[7] СЕНИ — о помещение между жилой частью дома и крыльцом в деревенских избах и в старинных городских домах. (Большой токовый словарь русского языка)

[8] ВСПЛЕСНУТЬ РУКАМИ — фразеологизм. Вскинув руки, слегка ударить в ладоши (в знак удивления, недоумения).

[9] МЕЛЬБА или мелба — летний сорт яблони, плоды которой обладают кисло-сладким вкусом, очень быстро поддаются гниению в месте удара о землю.

[10] ЧИСТАЯ КОМНАТА — одна из комнат в русской избе на юго-востоке России, смежная со спальней. (Примеч. автора)

но внуку хотела дугой судьбы. Николая бабушка воспитывала одна. Родителей он не помнил: они умерли, когда Николаю ещё и пяти лет не было. Бабушка Лукерья не любила об этом говорить, и Николай со временем перестал её расспрашивать.

Из чистой комнаты была дверь в спальню. Здесь стояла бабушкина кровать. Она никогда не уступала свою комнату гостям, даже внукам. Вообще в доме у каждого было своё место. Николай с женой, когда приезжали в гости, спали на софе в чистой комнате. Дети на раскладных креслах ещё советского образца в этой же комнате.

Из сеней был лаз на чердак. Чтобы попасть туда, нужно было приставить лестницу, которая хранилась возле бани под навесом. Чердак — самое любимое место для детей в бабушкином доме. Здесь хранились старые сундуки и другие древности. А ещё на чердаке бабушка сушила грецкие орехи и разные травы. Запах тут стоял чудесный!

Во дворе возле дома стояла банька, тоже старенькая и ухоженная.

— Ну что замерли? — бодро сказал Николай. — Айда[11] вещи заносить!

Глеб и Варя направились во двор. Николай — следом за ними.

Они быстро перетащили все сумки в дом, свалив их у печки. Люську тоже занесли в дом и наконец выпустили из кошачьей переноски. Она деловито прошлась по комнате, обнюхав сначала занесённые вещи, а потом каждый угол. После этого она запрыгнула на деревянную скамеечку под окошком, села, обернувшись длинным хвостом, прикрыла янтарные глаза.

Филька тем временем залаял во дворе. Люська недовольно приоткрыла глаза, дёрнула ушами и махнула хвостом.

— Чего он разлаялся, посмотри? — сказала Анна мужу, разбирая сумку с продуктами. — Может, пришёл кто? Сейчас всех соседей распугает наш старичок.

— Скажешь тоже — соседей! В округе ни одной живой души, кроме нас. Ты чего тут брешешь[12], Филимон!

Филька даже ухом не повёл. Он прыгал возле бани и лаял во всю глотку.

— Да успокойся ты, дурень старый! Совсем оглушил! Сейчас в бане тебя запру, если не угомонишься.

Филька вдруг заскулил, поджал свой и без того короткий хвост и метнулся в дом.

— Вот дурень старый, — повторил Николай и пошёл к бане. — Ань! Я пока баней займусь, — крикнул он жене, выглянувшей в окно.

Филька же, забежав в дом, бросился в ноги Глебке, даже чуть с ног не сбил мальчика.

— Да что с тобой Филя? Свежего воздуха надышался? — ласково потрепав пуделя за уши, спросил Глеб.

Филька лизнул его в нос и завилял своим коротеньким хвостом. Люся смотрела на всю эту картину с презрением.

Люся — молодая чёрная бомбейская кошка с янтарными глазами. Из характерных признаков, которые свойственны кошкам её породы, ей присущи только лишь способность уживаться с собаками. Общество людей она не любит, однако очень тонко чувствует настроение хозяев. Поэтому может сложиться впечатление, что она дружелюбна и даже ласкова. Люся соглашается с тем, что дети берут её на руки, ни разу она не показала им свои коготки даже во время игры. Да-да, её величество, Люся, при всём своём высокомерии к окружающим её существам готова иногда поразмяться и попрыгать за верёвочкой. Но всё это лишь для поддержания формы и хорошего пищеварения.

---

[11] АЙДА в значении «пойдём» (примеч. автора).

[12] БРЕШЕШЬ (просторечное), то же, что и ЛАЕШЬ (примеч. автора)

Если в дом приходит незнакомец или малоизвестный ей человек, Люся старается уйти в дальнюю комнату или залезть повыше, но всегда делает это без спешки: торопливость ниже её достоинства. Если всё-таки Люся по какой-то причине оказалась рядом с гостем, то она никогда не позволит ему погладить себя, тем более взять на руки. Рука человека тянется коснуться чёрной гладкой шёрстки и вот уже почти ощущает её, но спина кошки в долю секунды проги-

бается и проходит под ладонью, имитируя прикосновение, которого не было. Вторая и третья попытка приводят к такому же результату. При этом Люся всем своим видом показывает, что человек получил, что он желал, и после третьего так называемого поглаживания окончательно уходит от гостя с чувством выполненного долга перед хозяевами: мол, все правила гостеприимства соблюдены, я пошла, развлекайте своих гостей сами. При этом она с презрением дёрнет кончиком хвоста в сторону неудовлетворённого неудачной попыткой приласкать «милашку» человека.

Голоса её в доме почти никогда не слышно. В редких случаях она соблаговолит попросить замешкавшуюся хозяйку еды отрывистым и тихим мяуканьем. Она вообще любит тишину. Поэтому беспорядочный лай старого пуделя она переносит тяжело.

Филя — малый пудель белого цвета. Он ровесник Глебки, его лучший друг. Они выросли в обнимку и понимают друг друга, будто говорят на одном языке. Когда Глеб уходит на занятия, Филька ложится на диван в его комнате и несколько часов грустит. За полчаса до Глебкиного возвращения он выходит в коридор, садится напротив двери и ждёт своего хозяина-друга. Если Глеб задерживается, пёс ложится мордой на вытянутые лапы и закрывает глаза. Нет. Он не спит, он прислушивается к шагам на нижнем этаже и ждёт. В подъезд может войти уйма народу, но Филя откроет глаза только тогда, когда зайдёт Глеб. Тогда он снова сядет, слегка вильнув своим хвостиком, замрёт в ожидании товарища. Как только Глеб войдёт в квартиру, Филька бросится к нему и, подпрыгивая, будет стараться лизнуть его в нос.

— Варя, принеси воды из колодца: воды в кране нет, — попросила Аня дочку.

— Приехали! — недовольно отозвалась та.

— Да уж! Теперь ещё и воды нет. Ну что поделаешь. Готовить же как-то нужно. Может, появится ещё. Нужно у соседей спросить, как часто здесь перебои с водой. Ну, иди, принеси полведёрка. Справишься?

— Справлюсь. Ведро-то где взять?

— Вон за сумками, у печки, в углу стоит. Как я устала сегодня! Не буду сумки разбирать. Только необходимое для бани достану. Остальное завтра. Господи, чего же мы тут так много набрали?

— Сама же сказала: «Берите вещей столько, чтобы не стирать».

— Сказала. Не очень-то хочется в корыте стирать, поэтому и сказала.

Тем временем наступил вечер. Николай затопил баню.

— Ну, что, девочки, — обратился Николай к жене и дочери, — вы первые в парилку: я вам несильно натопил. А мы с Глебкой потом прибавим себе парку! Правда, сынок?

— Да, пап! — отозвался Глеб и тихо добавил: — Только несильно, ладно?

Отец успокаивающе подмигнул.

Через полчаса Варя, раскрасневшаяся после бани, пошла в дом. Следом вышла Анна.

— С лёгким паром, мам! Ну как, не сильно жарко? — поинтересовался Глеб, опасаясь прибавления пара.

— В самый раз, сынок. Давай, зови отца. Мойтесь, а мы с Варей стол накроем.

Николай с сыном пошли в баню. Глеб, отвыкший от этой процедуры и предпочитавший для купания обычную ванну или на крайний случай душ, с опаской переступал порог. Тут ему почему-то вспомнился бабушкин наказ: «Первым делом, как приедете, положите под порог бани кусочек ржаного хлеба».

— Пап, а зачем под порог нужно чёрный хлеб класть?

— Это всё суеверия бабушкины. В старину считалось, что в бане живёт банник. Это такое мифическое существо древних славян. Вроде домового, только в бане.

Глеб боязливо обернулся.

— Да это предрассудки, сын!

Тут послышалось шипение воды на раскалённом железе печки. Глеб вздрогнул.

— Предрассудки, — настойчиво повторил отец. — Но бабушка в них верит.

— Он злой?

— Банник?

— Угу.

— Считается злобным существом. Чтобы его задобрить, и кладут чёрный хлеб под порог, вроде как угощают.

— А белый хлеб не подойдёт? — поинтересовался Глеб.

— Не знаю, — пожал плечами отец и добавил дровишек в топку. — Сейчас жара пойдёт! Готов?

— Угу.

Пока отец кряхтел от удовольствия, похлопывая себя веничком, Глеб, бодрясь перед отцом, мечтал поскорее оказаться в доме. Здесь ему не хватало воздуха. В глазах уже начинало темнеть от жары. Стали мерещиться какие-то звуки, будто бубнит кто-то. Глеб не хотел показаться перед отцом слабаком, хотя в классе его именно таким и считали. И только отец видел в нём крепкого парня. Николай был для сына не просто отцом, но и человеком, который верит в него, не замечает его слабостей. И Глебке рядом с ним не хотелось показывать свою слабость. Он держался из последних сил.

— Коля! Не перегрей ребёнка! — послышался спасительный мамин голос за дверью.

— Выходим! — отозвался отец, потянувшись напоследок за веником.

Но веника не оказалось рядом.

— Да где же он?

— Кто, пап?

— Веник, — оглядываясь, ответил отец.

— Да вон же он слева от тебя.

Николай повернул голову и увидел, что веник на месте.

— Всё! Давай закругляться: перепарились. Как ты?

— Нормально, пап, — улыбнулся Глеб, хотя в ушах у него уже звенело, и сердце готово было впрыгнуть из груди.

Николай накинул халат, помог сыну обернуться полотенцем, и они пошли к двери.

— Не открывается, пап, — сказал ослабевший Глеб.

— Что такое? Дай-ка я. Заело? Наверное, железо расширилось от жары. Сейчас водой холодной оболью.

Николай вернулся в парилку за водой. Глеб еле на ногах стоял. Он схватился за задвижку, и она вдруг подалась. Свежий воздух ударил в лицо мальчика, силы прилили к нему, словно новый дух вошёл в его тело.

— Пап! Открыл! — радостно крикнул он.

Николай как раз показался на пороге бани с кадкой воды в руках. Он схватил её целиком, не найдя ковша. Увидев раскрасневшееся от банного жара лицо сына, Николай не на шутку испугался. Теперь, когда опасность миновала, стоя на пороге с кадкой, он не захотел возвращаться и выплеснул воду во двор.

— Почему не оставил? — спросила из окна Анна.

— Что? — не понял Николай.

— Воду. Почему не оставил? Бабушка же не разрешает воду выливать.

— И ты туда же? — рассердился немного Николай.

— Да шучу я! — засмеялась Анна. — Идите за стол. Заждались уже вас.

Солнце тем временем закатывалось за лесной холм. В тот момент, когда Николай с сыном заходили в дом, его золотая макушка скрылась совершенно. «Солнце почивать[13] пошло», — говаривала бабушка.

Аня сварила макароны и сосиски. Уже собирались садиться ужинать, как погас свет.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день[14]! — с досадой проговорил Николай.

— Этого ещё не хватало! — воскликнула Анна. — То вода, теперь свет! Приехали!

— Успокойся, Аня! Сейчас лампу керосиновую принесу. У бабушки в кладовой где-то была. Сейчас фонарик на телефоне включу только и схожу. Отец достал телефон, включил фонарик. Белый, ослепляющий электрический свет осветил комнату и исчез, как только Николай вышел в сени.

Дети сидели молча. Отсутствие электричества в городе было редким явлением и всегда недолгим. Здесь, в Каменке, они не знали, чего ожидать. Было ещё не очень поздно, но на юге темнеет рано и быстро. Что, если свет сегодня уже так и не появится? Телефоны и Power Bank разрядились ещё в дороге, поэтому посмотреть заранее закачанные фильмы не получится. Как скоротать время?

— Мам, — позвал почему-то шёпотом Глеб.

— Что?

— А почему бабушка не разрешает воду из кадки выливать?

— Да… Глупости всякие, — отмахнулась мать. — Ну что там, Коль?

— Нашёл! — объявил отец, возвращаясь из сеней в кухню. — Только спички нужно найти. Глеб, посмотри в печурке[15].

— В печке? — переспросил Глеб.

— В печурке. Это такое окошко в печке.

Николай телефоном осветил печку. Глеб встал на цыпочки, вытянул руку. Тут последний телефон и разрядился. Глеб в темноте ощупывал пальцами нишу печурки.

— Мама! — вдруг вскрикнул мальчик и отпрянул от печки.

— Что случилось, сынок? — отозвалась Аня.

— Там… Там… Кто-то… Там мышь! — дрожа от испуга, ответил Глеб.

— Я домой хочу, — чуть не плача прошептала Варя.

— Да какая мышь? — ободряюще сказал отец. — У бабушки Лукерьи отродясь мышей не было в доме! Показалось тебе, примерещилось в темноте. Дай-ка я посмотрю.

Николай засунул руку в печурку и почти тут же достал коробок со спичками.

— Вот и спички! — весело объявил он. — Даю свет!

Николай зажёг керосиновую лампу, свет от неё полился такой мягкий и тёплый. Пламя небольшого огонька слегка трепетало. На низком потолке закачались крупные тени. Семья села за стол. Глеб понемногу успокоился. Варя тоже взяла себя в руки, хотя и села поближе к матери. Она не была трусихой, но отчаянно боялась мышей, чего нельзя было сказать о Глебке как заядлом естествоиспытателе. Сейчас он испугался больше от неожиданности. То, что он почувствовал под своей рукой, не было похоже на мышь, скорее на чью-то мохнатую руку. Но поверить в это было нереально, поэтому ему проще было представить себе мышь. Слова отца о том, что ему могло померещиться, впрочем, показались Глебу правдоподобными. Когда лампа осветила кухню, в ней стало так уютно, что мальчик отогнал все свои домыслы и с удовольствием принялся за сосиски.

---

[13] ПОЧИВАТЬ (устар. книжн. поэтич.) — отдыхать, спать (примеч. автора).

[14] В Древней Руси крестьяне имели право раз в год в день святого Георгия (или Юрия) переходить от одного помещика к другому. В 1592 году царём Борисом Годуновым был введён запрет на это право. Оттуда, по преданию, и пошло это выражение. (Примеч. автора)

[15] ПЕЧУРА И ПЕЧУРКА ж. заломчик, ямка в зеркале печи, где ставят, греют и сушат кой-что. (Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля)

— Пап, а сегодня день какого Юрия? — уплетая приготовленный на скорую руку ужин, спросил Глеб.

— День Юрия? — не понял отец.

— Ну, помнишь? Ты сказал, когда свет погас: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Отец рассмеялся. Глеб обиженно опустил голову.

— Ты бы объяснил, а не смеялся, — укорила Николая Анна.

— Прости, сынок! Это выражение такое есть. Его говорят, когда что-то меняется в худшую сторону.

— Понятно.

— И чем сейчас заниматься будем? В потёмках, — ковыряя вилкой макароны, спросила Варя.

— Спать пойдём, — ответила мать, — хоть отоспимся тут.

— Я не хочу ещё, — капризничала дочь.

— Можем поиграть во что-нибудь, — предложил отец.

— Во что тут играть? Ни планшета, ни компьютера.

— Есть и другие игры, Варенька, кроме компьютерных.

— А откуда это? — вдруг спросил Глеб.

— Что именно? — опять не понял отец.

— Это выражение. Откуда оно взялось? Юрьев день?

Отец задумался. Он не помнил, откуда пошло это выражение. А для сына он всегда был авторитетом. И сейчас никак не хотел упасть в грязь лицом, но что ответить — не знал. Всегда в таких случаях Николай пользовался интернетом, говоря сыну такую фразу: «Если я сейчас тебе скажу, ты ненадолго запомнишь. А если ты сам найдёшь информацию, это другое дело. Тут, брат, будут работать разные виды памяти. Понимаешь?» И в этом, конечно, он был искренен. Отец ни на минуту не сомневался в правоте своих слов. Пусть даже это и была уловка, чтобы не показать своё незнание, но ведь действительно давно уже доказано, что, добывая информацию, мы развиваем свой мозг. Но как быть сейчас? Сказать, что забыл? Стыдно.

— Молодец, Глеб! — улыбнулась Анна. — Уложил отца на лопатки!

— Почему сразу уложил. Я обдумываю способ подачи информации, — пытался ещё хоть как-то держать марку отец.

— Мам, а что значит «уложил на лопатки»? — переключился любознательный мальчик на мать.

Все засмеялись. Первый раз за последнюю неделю.

— Вот даёт! — хохоча, сказал отец.

— И меня подловил! — отозвалась мать.

— Это чтобы ты меня не закапывала!

— Куда закапывала? — заливаясь от смеха, продолжал подначивать Глеб.

— Ой, не могу! Уморил!

— У меня уже живот от смеха болит. Хватит, — просила Варя.

Филька прыгал вокруг стола то к Глебке, то к Николаю, то снова к Глебке, всё норовя лизнуть в нос.

— Ух, чёрт лохматый, отстань! — ругнулся отец, когда Филька достиг цели.

В этот момент что-то зычно громыхнуло в кладовой. Семья примолкла.

— Это я, наверно, когда лампу брал, что-то сдвинул в потёмках. Может, Люська за мной пошла туда и теперь орудует. Пойду, посмотрю. Только лампа одна. Ладно, я наощупь. Двери открою, пусть выйдет, а то она голос-то не подаст никогда. Царевна!

Николай вышел в сени. Приоткрыл двери в кладовую (послышался запах серы) и позвал Люсю:

— Люся, кыс-кыс, Люся.

— Ну что? Там? — поинтересовалась Анна.

— Да тут темно так. Чёрную кошку в чёрной комнате искать — гиблое дело.

— Оставь двери открытыми. Выйдет, если там. Только запах оттуда какой-то неприятный. Сгнило что ли что? Ладно! Давайте укладываться спать. Варя, собери посуду, поставь в раковину. Завтра мыть будем: ни света, ни воды. Утром разберёмся. Устала.

— Рано спать ещё. Я не хочу, — капризничала Варя.

— Я тоже, — робко вставил Глеб.

— Пап, ты про какие игры говорил? — не унималась Варя.

— Карты, шахматы.

— Шахматы?

— Да. Тут где-то мои старые оставались.

— Ну и где ты их сейчас искать собираешься? — начинала нервничать Анна. — Я сейчас лампу заберу и пойду постели готовить.

— А мы в темноте посидим, в города поиграем, — подмигнув жене, сказал Николай.

— В темноте? — переспросил Глеб.

— Не хочу в города, — отрезала Варя. — Я спать.

— Вот и хорошо. Пойдём, поможешь мне.

ГЛАВА 3

Купил дом, да с домовым. Дом домом, а домовой даром.
Русская народная пословица

Бабушка — самый главный человек в семье. Бабушку должны слушаться все: и внуки, и мама с папой, и даже пёс с кошкой. Если ослушаться бабушку, то беда будет. Разве не предупреждали мы вас об этом?

Однажды бабушка Лукерья исчезла из своей деревни. Перед тем как она уехала в неизвестном никому направлении, она отправила письмом своим близким, которые жили в городе в пяти часах езды на машине от деревни Каменки, свой наказ о том, как вести себя в её доме и что делать, пока она не вернётся.

«Хозяйство своё мне не на кого оставить», — писала она. А в хозяйстве у бабушки Лукерьи было три нечисти[16]: Домовой, Дворовой и Банник. Достались они ей в наследство от отца, а тому — от его отца, дальше тоже от отца.

Домовой, который здесь жил, по семейному преданию, был духом умершего непокаявшимся прадеда Лукерьи. Это был самый старый дух в хозяйстве бабушки. С ним Лукерья жила душа в душу[17]. Он был её помощником в доме. То дровишек в печку напомнит подбросить, стукнув поленом об пол, то заслонку на дымоходе прикроет, чтобы тепло не уходило. Бывало и недобрых людей из гостей выгонит, напугав их так, что они и дорогу к бабушке Лукерье забывали.

Однако любил домовой и попроказничать, особенно когда к бабушке Дементьевы из города приезжали гостить: то кого-нибудь во сне щекочет, то дурачит их, принимая образ бабушки Лукерьи.

Дворовой появился в доме намного позже, ещё при деде Афанасии, отце деда Деяна, когда домовому понадобился помощник. Дедушка Афанасий завёл скотину: двух коров и лошадь. Домовой посчитал: одному ему не справиться с таким хозяйством и нашёл себе помощника, который должен был следить за двором, чтобы скотину никто не обидел и не украл. Любимицей у Дворового была корова Чернушка. Он всегда подкладывал ей зимой самое сочное сено. А Рябуху, вторую тёлочку[18], недолюбливал и даже пугал по ночам. Растревоженная Рябуха громко мычала в коровнике, не давая покоя хозяевам дома. Так и продали Рябуху.

Спустя время уже бабушка Анфиса, жена Деяна, обзавелась козами. Но и они не пришлись Дворовому по душе, так как масти были с ним разной[19]. А вот однажды ко двору приблудился чёрный козлёнок, по крайней мере, все так подумали, что он приблудился, а на самом деле Дворовой притащил его с другого конца деревни. Так козлёнок этот любимцем Дворового стал. Уж и холил да лелеял он его!

А вот бабушка Лукерья, когда в хозяйство вошла, не стала заводить скотину. Она больше огородом да садом занималась. В травах разбиралась хорошо, всё по лугам да лесам ходила: не до скотины ей было. Вот с тех пор у Дворового работы поубавилось. Бабушкины хлопоты по саду и огороду он оберегал исправно. Но большого труда для этого не требовалось. Стал он ленивым, неповоротливым да вредным от безделья.

---

[16] НЕЧИСТЬ — нечистая сила. В славянской мифологии обозначает потустороннюю силу и существ: чертей, бесов, злых духов, нежитей (домовых, дворовых, полевых, водяных, леших, русалок и проч.), банников. (Примеч. автора)

[17] ЖИТЬ ДУША В ДУШУ — фразеологизм, означающий жить дружно. (Примеч. автора)

[18] ТЁЛОЧКА — молодая, ещё ни разу не телившаяся корова. (Примеч. автора)

[19] Считается, что дворовой уживается только с животными только тёмной масти (окраса). (Примеч. автора)

Больше всего он не любил, когда в гости к бабушке Лукерье дементьевское семейство приезжало, так как привозили они с собой белого пуделя. Ух, и невзлюбил же он пса! Задирал его так, что тот лаял как полоумный. Встанет перед ним, что только пёс и видит его, да рожи корчит. А Филька заливается!

Бабушка Лукерья, зная за своим Дворовым такой грех, за неделю до приезда детей начинала задабривать Дворового: оставляла в сарае, который раньше был коровником, на вилах хлеб, а на пол ставила молоко в крынке[20].

Самым молодым из бабушкиной нечисти был Банник[21]. Он появился только после того, как дед Лукерьи баню построил. Самый молодой и самый злобный дух в хозяйстве бабушки Лукерьи. Вечно чем-то недовольный: то хлеб недостаточно свежий, то соли маловато, то воды недостаточно в кадке оставили, то веник не тот положили. Тяжело было бабушке Лукерье с ним дружно жить. Да что поделаешь, приходилось ублажать капризную нечисть, чтобы не обидел никого из родных. Раз только она осерчала не на шутку и поссорилась с Банником, когда он трёхлетнего Глебку кипятком обрызгал, пригрозила ему, что уедет жить в город, а дом и баню заколотит, чтобы никто не поселился. «Домового с собой заберу. Дворовой двор стеречь останется. А ты с голоду пухнуть будешь, в бане нетопленой один сидеть веки вечные», — объявила она ему в сердцах. Присмирел тогда злой дух, перестал проказить, смирился с тем, что семья Николая иногда приезжает.

Вот такое хозяйство было у бабушки Лукерье в деревне Каменка.

Все они были очень недовольны внезапным исчезновением бабушки Лукерьи. Она никогда не оставляла их больше чем на три дня. Всегда они были сыты, вымыты и обласканы. В те дни, когда к бабушке Лукерье приезжали гости, она с особой заботой относилась к своим духам, следила, чтобы гости ни сильно докучали её духам, вкуснее кормила: медку давала, чего в обычные дни не делала, чтобы не слишком-то их баловать.

[20] КРЫНКА и кринка, кринки, ж. Глиняный сосуд. (Толковый словарь Д. Н. Д.Н. Ушакова)

[21] БАННИК — дух бани, опасный для человека. Считается существом двух миров, выглядит, как чёрный мохнатый мужик, способный обернуться собакой или кошкой, веником и даже углём. (Примеч. автора)

ГЛАВА 4

Старого человека надо слушаться, молодого надо учить.
Русская народная пословица

Но давайте-ка вернёмся на несколько часов назад и посмотрим, как домашние духи приняли невоспитанных гостей.

— Как же я устала в дороге! Неужели приехали? — потягиваясь, выходила из машины Варя.

— Да уж, не ближний свет, — отозвалась Анна. — Но ничего, сейчас ножки разомнёте.

— *Явились, не запылились*[22], — пробурчал недовольно Дворовой, глядя через щель в сарае.

— Как-то грустно, что бабушка нас не встречает, — негромко сказал Глеб.

— Гав! Гав-гав! Гав! Гав!

— *И этого опять привезли! Когда ты уж сгинешь, овца гавкучая!* — со злостью и досадой проговорил Дворовой, превратившись в чёрного голубя, вылетел из сарая, и присел на крышу бани.

— Да. Непривычно как-то, — подтвердил отец.

— А хлеб чёрный взяли? — спросил Глеб, обернувшись на шум крыльев вылетевшего откуда-то голубя.

— *Ну, хоть покормят нас сегодня, слышишь, Банник?* — закурлыкал Дворовой.

— *Явились! Сейчас посмотрим, что они за хлеб привезли,* — отозвался Банник.

— Зачем тебе чёрный хлеб? — не поняла Анна. — Проголодался? Сейчас сосиски отварю, дай в дом зайти. Ты все бутерброды съел?

— Я сыт. Но бабушка же писала, что нужно ржаной хлеб под крыльцо бани положить, как приедем.

— *Нравится мне этот мальчишка,* — продолжал курлыкать Дворовой.

— Глупости какие! — отмахнулась уставшая с дороги мать. — Вон, булка осталась, сунь под крыльцо, если хочешь.

— Так она же белая, мам!

— Ну, где я тебе чёрного хлеба достану сейчас? — с раздражением отозвалась мать

— *Вот и покормили!* — буркнул Банник.

— Бабушка же говорила, — робко настаивал Глеб.

— Так сходите с Варей в магазин, купите хлеба. Помните дорогу?

— *Сейчас принесут*, — уверял Дворовой.

— Я не пойду никуда! — отрезала недовольно Варя. — Я устала, в дом пойду.

— *Вредина какая! Ну, погоди у меня!* — начинал злиться Дворовой.

— Я тогда сам схожу? — неуверенно спросил мальчик.

— *Давай-давай, хлопец!* — с надеждой бормотал Дворовой.

— Одного я тебя не пущу.

— Пап, может, сходим?

— *Стой на своём! Ну!*

---

[22] ЯВИТЬСЯ, НЕ ЗАПЫЛИТЬСЯ — выражение, употребляемое по отношению к нежданным гостям. Считается исконно-русским по происхождению. Когда хозяин посылал слугу по какому-то поручению, всегда смотрел на внешний вид вернувшегося посыльного. Если его одежда была совсем не запылённая, значит, слуга схитрил и не дошёл до места назначения и поручения не выполнил. (Примеч. автора)

— Сынок, давай потом. Мне баню затопить нужно, искупаемся с дороги. Позже сходим. Давай сумки доставать из багажника. Варя, и ты без дела не сиди. Все устали, но обустроиться нужно.

— *Ну что? Поел?* — ехидно спросил Банник.

Дворовой вспорхнул и пролетел над самой головой Глебки в сад, почти коснувшись крылом, и шепнул ему: «Слабак!»

Николай зашёл в дом. Домовой только его и ждал. В детстве Николай часто разговаривал с ним. Пока не поступил в университет, он верил во всё, что бабушка рассказывала ему про леших и другую нечисть. Домовой никогда не показывался мальчику, но часто играл с ним, пряча его игрушки или тетрадки. Когда, по совету бабушки Лукерьи, Коля произносил заговор: «Домовой, домовой, поиграл и хватит! Отдай мне машинку!» — Домовой подкладывал пропажу на видное место. Взрослея, Николай перестал играть с Домовым, потом и вовсе уехал жить в городское общежитие. Хозяином он больше не приходил в этот дом, только гостем.

Бабушка Лукерья, встречая внука на пороге, всегда напоминала ему: «С дедушкой Домовым не забудь поздороваться». Но сегодня бабушки не было, и никто не напомнил Николаю поприветствовать Домового. Николай зашёл в дом непочтительно, вот Домовой и качнул избу так, что Николай чуть не упал.

— Вот это я укатался сегодня.

Глеб шагнул следом. И его Домовой встретил неласково: подножку ему поставил. С Анной и Варей Домовой тоже обошёлся негостеприимно. На время удовлетворившись, спрятался в печку. Оттуда он наблюдал. Домового удивило, что гости привезли с собой кошку — ему раньше не приходилось видеть кошек в своём доме, поэтому он с любопытством присматривался к ней.

Нужно сказать, что бабушка Лукерья не очень-то жаловала кошек. Она считала их бесполезными и своенравными существами. Мышей в доме Лукерьи действительно отродясь не было, а это единственное, чем могла быть полезна в доме кошка, по мнению бабушки.

Конечно, в этом доме в старые времена до бабушки Лукерьи водились кошки. Но это было лет сто назад, и Домовой забыл, как уживаться с ними. В первую очередь он беспокоился о молоке, которое в этом доме предназначалось именно ему. Он опасался, что Люся вылакает его. И небезосновательно. Люся молоко любила, хоть и перепадало оно ей редко, потому что в семье больше любителей молока не было, и его покупали редко. Когда кошка с независимым видом прошлась по кухне, обнюхав каждый уголок, Домовому это очень не понравилось.

— *Привезли с собой нахлебников!*[23] — буркнул он и углубился в печь.

Филька тем временем залаял во дворе. Перед ним во весь рост стоял невидимый никому, кроме Фильки, Дворовой и корчил ему рожи.

— *Дери, дери глотку!* — дразнил Дворовой. — *Погоди, я тебе уши-то накручу!*

— *Что ты его задираешь?* — недовольно бурчал Банник. — *Делом займись, бездельник.*

— *Пусть в дом идёт, нечего ему тут шастать! Двор — это моя вотчина*[24]*! У! Белобрысый!*[25]

— Ты чего тут брешешь, Филимон!

Филька даже ухом не повёл. Он прыгал возле бани и лаял во всю глотку.

---

[23] НАХЛЕБНИК — устаревшее слово, раньше так называли человека, который живёт и работает у помещика и получает плату за свою работу хлебом, то есть едой. Сейчас это слово употребляется в значении «иждивенец», то есть живущий за чужой счёт. (Примеч. автора)

[24] ЭТО МОЯ ВОТЧИНА — фраза, которая уходит корнями в феодальный строй, в наследственное владение землёй. Сейчас эта фраза используется в переносном значении в разговорной речи человека, который хочет подчеркнуть своё владение чем-либо. (Примеч. автора)

[25] БЕЛОБРЫСЫЙ — разговорное слово, означающий светлый цвет волос. (Примеч. автора)

— Да успокойся ты, дурень старый! Совсем оглушил! Сейчас в бане тебя запру, если не угомонишься.

Тут Банник оборотился вепрем[26], видимым только Фильке, и показал свою клыкастую морду из-за двери бани.

Филька вдруг заскулил, поджал свой и без того короткий хвост и метнулся в дом.

Наступил вечер. Николай затопил баню. В первый пар[27] пошли купаться Анна с Варей.

В это время Банник и Дворовой перебрались на чердак дома, чтобы держать совет[28] с Домовым.

— *Что делать будем?* — нетерпеливо начал Банник.

— *Я предлагаю выгнать непрошеных гостей,* — торопливо заявил Дворовой.

— *Кипятком их ошпарить,* — буркнул себе под нос Банник, — *сами убегут восвояси.*

— *Не сметь!* — строго сказал Домовой.

— *Ты тут не очень-то командуй,* — недовольно, но без напора сказал Банник.

— *Я тут самый старый хозяин. Не забыл?* — строго посмотрел на него Домовой. — *Я напомню тебе порядок.*

— *Порядок? Какой же это порядок?* — закипел Банник. — *Опоздали. На три дня, между прочим, опоздали. Лукерья им что велела?*

— *Да! Домовой, ты, конечно, тут, вроде как, за главного,* — вмешался Дворовой, — *но ведь сам видишь, что порядка-то и нет.*

— *Точно. Никакого порядка. Где хлеб? Сейчас меня без хлеба оставили. Потом тебя оставят. Помяни мои слова,* — продолжал злиться Банник.

— *Вижу, что непорядок,* — задумчиво заговорил Домовой. — *Только придётся нам потерпеть. Может, опомнятся.*

— *А если не опомнятся?* — вызывающе спросил Дворовой.

— *Поучим их маленько*, — ответил Домовой.

— *Поучим-проучим*, — буркнул себе под нос Банник.

— *Я сказал «поучим»!* — строго предупредил Домовой. — *Я Лукерье обещал, что присмотрю за её семейством, покуда она не вернётся.*

— *Ты обещал, ты и присматривай*, — продолжал язвить Банник.

— *Вернётся ли?* — глядя исподлобья, тихо спросил Дворовой.

— *Вернётся,* — твёрдо ответил Домовой.

— *Ну-ну. Посмотрим,* — буркнул Банник и исчез.

Банник вернулся в баню как раз в то время, как Глеб затеял разговор про бабушкин наказ.

— Пап, а зачем под порог нужно чёрный хлеб класть?

— Это всё суеверия бабушкины. В старину считалось, что в бане живёт банник. Это такое мифическое существо древних славян. Вроде домового, только в бане.

— *Вроде домового*, — передразнил Банник.

— Да это предрассудки, сын!

Банник со злости плеснул воды на раскалённую печку. Вода зашипела. Глеб вздрогнул.

— Предрассудки, — настойчиво повторил отец. — Но бабушка в них верит.

— Он злой?

— Банник?

— Угу.

— *Сейчас я вам покажу*, — грозился Банник, украдкой посматривая в сторону дома.

---

[26] ВЕПРЬ — дикая свинья. (Примеч. автора)

[27] ПЕРВЫЙ ПАР — не очень жаркий пар. Традиционно в первый пар шли париться женщины, пока баня не сильно прогрелась. (Примеч. автора)

[28] ДЕРЖАТЬ СОВЕТ — совещаться, советоваться (устаревшее выражение). (Примеч. автора)

— Считается злобным существом. Чтобы его задобрить, и кладут чёрный хлеб под порог, вроде как угощают.

— *А вы, жалкие людишки, не сделали этого,* — распалялся[29] Банник.

— А белый хлеб не подойдёт? — поинтересовался Глеб.

— Не знаю, — пожал плечами отец и добавил дровишек в топку. — Сейчас жара пойдёт! Готов?

— Угу.

— *Сейчас, сейчас. Я добавлю вам пару*, — потирал ручки Банник. — *Сейчас я прибавлю вам жару.*

Банник обернулся веником, чтобы хорошенько ошпарить Николая.

— Коля! Не перегрей ребёнка! — послышался спасительный мамин голос за дверью.

— Выходим! — отозвался отец, потянувшись напоследок за веником.

Но веника не оказалось рядом.

— Да где же он?

— Кто, пап?

— Веник, — оглядываясь, ответил отец.

— Да вон же он: слева от тебя.

Николай повернул голову и увидел, что веник на месте.

— Всё! Давай закругляться: перепарились. Как ты?

— Нормально, пап.

Николай накинул халат, помог сыну обернуться полотенцем, и они пошли к двери.

— Не открывается, пап, — сказал ослабевший Глеб.

Банник держал задвижку своей невидимой лапой.

— Что такое? Дай-ка я. Заело? Наверное, железо расширилось от жара. Сейчас водой холодной оболью. Николай вернулся в парилку за водой.

— *Ты чего удумал?* — у бани появился Домовой.

— *Уходи к себе в дом командовать, Домовой! Я тут и без тебя разберусь*, — зло ответил Банник.

— *Не дури, говорю!* — строго сказал Домовой.

Глеб еле на ногах стоял. Он схватился за задвижку, и она вдруг подалась.

— Пап! Открыл! — радостно крикнул он.

Николай как раз показался на пороге бани с кадкой воды в руках и, не желая возвращаться в парилку, выплеснул воду во двор.

— *Ах, ты!* — воскликнул Банник. — *Попарились, называется!*

— *Сам виноват!* — строго, но тоже расстроенно отозвался Домовой.

— *Банька отменяется*[30]*?* — послышался голос Дворового.

— *Отменяется!* — отрезал Банник и скрылся в бане.

Люди зашли в дом. Домовой за ними. Дворовой шмыгнул к Баннику.

Солнце тем временем закатилось за лесной холм. На улице потемнело мгновенно. В городе в это время ещё сумерки[31]. Лес далеко, и солнышку до него катиться и катиться. А в деревне леса высокие, до самого неба достают. Солнышко за макушки вековых сосен цепляется, цепляется да всё равно за них падает и крепко засыпает на зелёной перинке. В городе, когда солнышко засыпает, просыпаются огоньки. Они повсюду: в окнах многоэтажек, вдоль дорог и тротуаров, в витринах магазинов, в фарах автомашин… Все они освещают дорогу

[29] РАСПАЛЯТЬСЯ — синонимы гневаться, сердиться, горячиться (примеч. автора).

[30] По преданиям третий пар предназначался Баннику и его гостям — Домовому и Дворовому. Для этого оставляли воды в кадке, чтобы задобрить Банника.

[31] СУМЕРКИ — это полутьма, которая наступает, когда Солнце уже ушло за линию горизонта, но ещё продолжает освещать землю.

людям. Мрак в городе не наступает никогда. А в деревне он возникает внезапно, будто свечу кто-то задувает, и наступает кромешная тьма.

Люди в доме садились ужинать. Домовой наблюдал за ними, сидя в печи. Он был расстроен, что гости Лукерьи не соблюдают бабушкин наказ, но всё еще ждал, что они одумаются. Поступок Николая, который не оставил воды в бане, сильно разозлил не только Банника, но и самого Домового. Какое неуважение! От злости он решил маленько проучить неучтивых гостей. Сначала отключил в доме воду. Пусть из колодца потрудятся воду взять! А потом, дождавшись, когда Солнце почивать пойдёт, и в доме свет выключил. Пусть спать лягут пораньше! А я им ночку-то устрою! Страху нагоню на них.

Когда Глеб просунул руку в печурку в поисках спичек, Домовой коснулся её своей мохнатой лапой. Он помнил, как, будучи малышом, отец Глебки играл с ним, разговаривал. А потом совсем забыл своего Домового. Учёным стал. Перестал верить в «бабушкины сказки». В Глебке Домовой увидел маленького Колю и захотел, чтобы мальчик поверил в него. Любознательный Глеб сразу понравился ему. Только этот щупленький мальчуган всеми силами старался исполнять бабушкин наказ. Домовой решил познакомиться с Глебом, постепенно приучая его к мысли, что, кроме людей и животных, в этом мире есть и другие существа.

Домовой, немного успокоив себя мыслями о дружбе с мальчиком, начал было дремать, как вдруг неучтивые гости расшумелись.

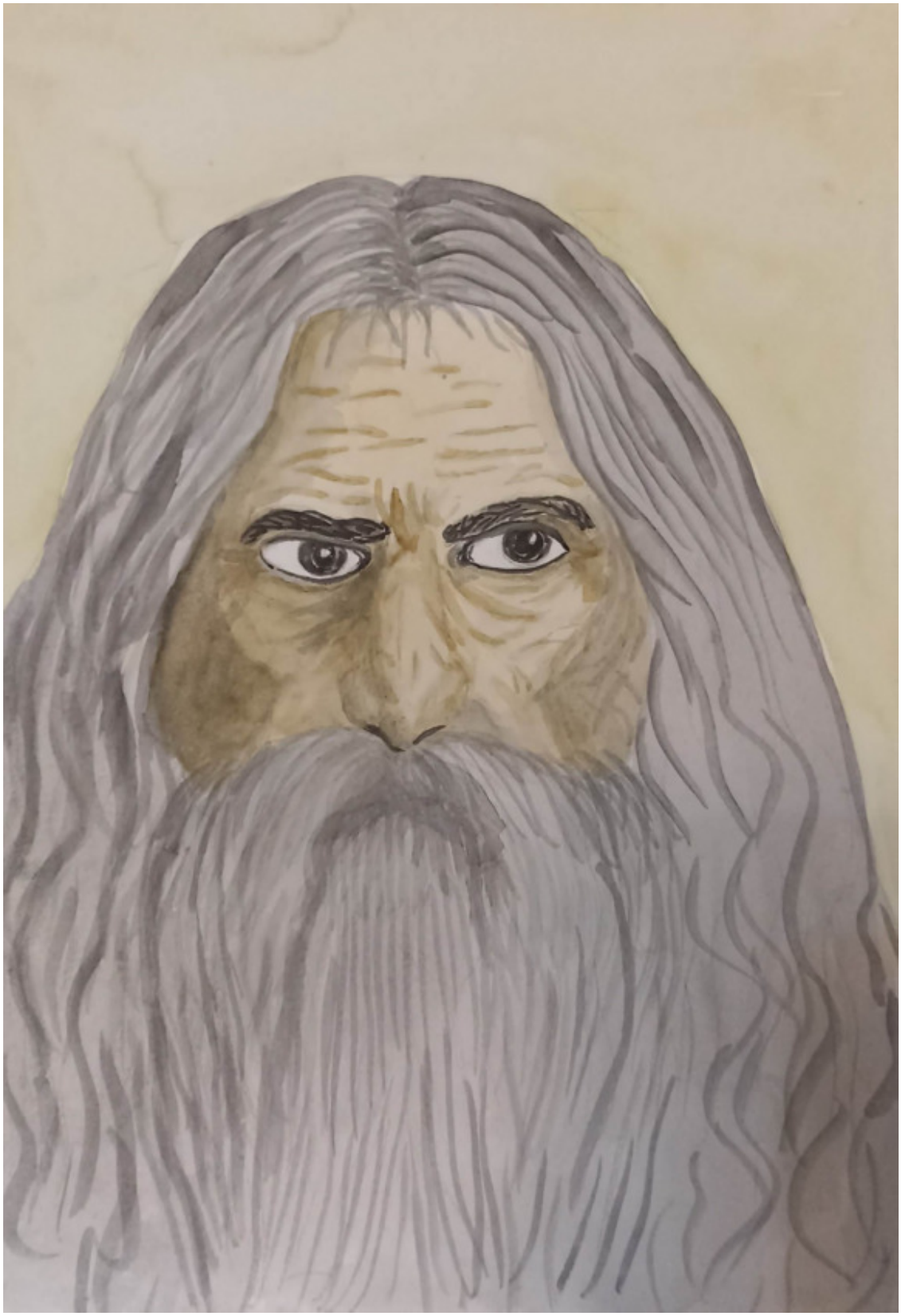
— Ой, не могу! Уморил!

— У меня уже живот от смеха болит. Хватит!

Белый пудель скакал по кухне, топая ляпами и цепляясь со скрежетом когтями за деревянный пол. Шум стоял оглушительный. Домовой сердито пыжился, сидя в печке.

— Ух, чёрт лохматый, отстань! — ругнулся отец, когда Филька лизнул его в нос.

В этот момент что-то зычно громыхнуло в кладовой. Семья примолкла. Домовой нахмурился. Насторожился. Прислушался. И покачал головой.

ГЛАВА 5

Пусти чёрта в дом, не вышибешь его и лбом[32].
Русская народная пословица

В старину люди старались не произносить имя чёрта, чтобы не накликать беду. Считалось, что, называя злой дух по имени, можно вызвать его из преисподней[33], а избавиться от него будет непросто. Именно поэтому люди не упоминали чёрта, а называли его лукавым, окаянным, анчуткой, нечистым, куцым, пекельником, рогатым, шишом и другими именами. Черти из преисподней были самыми злобными. Они по рангу выше тех, которые живут на болотах. Эти считаются мелкими чертями, вредными, пакостными, но не такими жуткими. Болотные черти тоже могут наделать гадостей человеку, но их не сравнить с теми бедами, которые способны принести людям черти из преисподней.

Именно поэтому Домовой нахмурился, услышав, как Николай, забыв строгий наказ бабушки Лукерьи не поминать чёрта, чертыхнулся[34] на Фильку.

И в то самое мгновенье в кладовой задрожал земляной земляной[35] пол. Потом в самом центре будто что-то глухо взорвалось: клуб пыли с землёй в этом месте пыхнул на полметра вверх. Когда пыль осела, на этом месте оказался небольшой, ростом с пуделя, чёрный как смоль Чёрт. Длинный хвост был поднят над маленькой злобной бородатой головкой, из которой торчали небольшие, но острые рожки. Появившись в кладовой по «зову» Николая, он ожидал остаться незамеченным. Однако материализовавшись из преисподней, Чёрт морда к морде встретился с чёрной кошкой. Это была Люся. Она почти невозмутимо наблюдала за появлением беса.

— Кто такая? — деловито спросил Чёрт Люсю.

— Сам кто таков? — высокомерно ответила кошка.

Её не столько удивило, сколько заинтересовало то, что они поняли друг друга, будто говорили на одном языке. На самом деле Люська лишь издала свой обычный хрипловатый, мало похожий на «мяу» звук: «Ме-э-э».

— Не признаёшь? — гордо повернув к Люсе свой бородатый профиль, продолжил Чёрт.

---

[32] Не вышибешь лбом, то есть не вымолишь у Бога. (Примеч. автора)

[33] ПРЕИСПОДНЯЯ (устар.) — то же, что и ад. (Толковый словарь С. И. Ожегова)

[34] ЧЕРТЫХАТЬСЯ (разг.) — ругаться, поминая чёрта. (Толковый словарь С. И. Ожегова)

[35] ЗЕМЛЯНОЙ ПОЛ — пол без фундамента, представляющий собой утрамбованную земляную или глиняную поверхность, без досок. (Примеч. автора)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.